

ЛИСТОПАД

Это — новый листопад?
Или — старый, очень старый?
В час затепленных лампад
Дремлет домик обветшалый.

У задумчивых икон
Ты склонилась одиноко,
Осень выставив на кон
Против опустевших окон.

Непророненной слезы
След невидимый на лице.
Небо рушится в разрыв,
Заходясь в беззвучном крике.

Полустершиеся дни,
Растрепавшиеся листья —
Может, смысл только в них,
В них, пресытившихся высью?

Опадает старый клен,
В никуда сыпая годы.
С опечаленных икон
Взгляды неподкупно-строги.

Словно смотрят сквозь тебя
В вечность. Или даже дальше.
Не об осени скорбя —
О бездушии и фальши.

Догорающих лампад
Перешептыванья ломки.
А за дверью — листопад
Мир укутывает тонкий.

ДОМ

Дом стоял отрешенно в лучах заката,
Щуря темные окна от искр последних.
Вспоминал. И в мечтах уплывал куда-то
Недоступного прошлого дух-наследник.

Дверь навеки впитала тепло ладоней,
Пол хранил детских ножек босую память;
На завалинке — ветер гулял, цвел донник...
Дом подумать не мог, что его оставят.

Но опять, темнотой обнимая крышу,
Ночь тихонько ему, приходя, шептала,
Что нельзя жить иллюзией. Он — не слышал.
Привыкал быть для прошлых миров порталом.

Дом вздыхал и антенной тянулся в небо,
Дождь смывал с хмурых окон скупые слезы.
А по стенам скользили полночным бредом
Тени снов — отраженья сомнений поздних.

ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ

Ну вот и все. Смеется тихо осень,
Меня до дна, до капли выпивая.
Штрихов цветных причудливая россыпь,
Тревожный всхлип осеннего трамвая.
Куда бежать? От осени не скрыться.
Она внутри, снаружи — повсеместно.
И я усталой равнодушной птицей
Кружу над суетой толпы воскресной.
Что мне насмешки ветреной растрепы?
Людей внизу слепая оголтелость?
Проспектов светофоровые тромбы,
Садов чужих отчаянная спелость —
Что мне? Я в осень тихо обращаюсь,
Вплетаюсь крылами в обнаженность клена.
Огромна осень. С ней и я — большая.
Стою безмолвно за прозрачным треном.
Смеется осень. Солнечные зайцы
Остатки листьев глядят осторожно,
Старик-паук плетет судьбу на пальцах,
Пасется стадо облаков творожных.
Разносит ветер огненные споры,
Исходит соком яблочная мякоть.
И я смеюсь. Февраль еще не скоро.
Еще есть время и писать, и плакать.